

ТАЙНЫ МОРСКИХ АВАРИЙ
И КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ

Владимир Шигин

КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ ТИХОГО ОКЕАНА

ГОРИЗОНТ
издательство

Москва 2015

Тайна морских аварий и кораблекрушений

Владимир Шигин

Кораблекрушения Тихого океана

«Горизонт»

2015

Шигин В. В.

Кораблекрушения Тихого океана / В. В. Шигин — «Горизонт», 2015 — (Тайна морских аварий и кораблекрушений)

Кораблекрушения эпохи русского парусного флота на Тихом океане до сегодняшнего дня малоизвестны не только в силу отдаленности мест, где происходили те давние трагедии, но и в силу того, что большинство документов тех событий навсегда затерялось во времени и пространстве. А потому сегодня мы заново открываем драматические и трагические события, происходившие на восточных берегах Российской империи сто пятьдесят и двести лет назад. Приключение среди американских индейцев команды судна "Святой Николай" и подробности последнего плавания легендарного шлюпа "Нева", трагедия фрегата "Диана" в японских водах и тайна гибели команды тендера "Камчадал", "Кораблекрушения Тихого океана. Неизвестные катастрофы 18–19 веков" в серии "Тайна морских аварий и кораблекрушений".

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Владимир Шигин

Кораблекрушения Тихого океана. известные катастрофы XVIII–XIX веков

Глава первая Трагедия «Святого Николая»

Об этой давней трагедии и сегодня практически ничего неизвестно, так как ее история не вошла даже в «Летопись крушений и пожаров судов Русского флота 1713–1753 гг.» Описание ее было совершенно случайно получено в 1810 году известным отечественным мореплавателем В.М.Головниным от правителя Русской Америки А.А.Баранова. Рассказ о крушении судна «Святой Николай» под командой штурмана Булыгина около северо-западного берега Аляски у Пагубного острова был записан Головниным со слов приказчика Тимофея Тараканова. Головнин дает ему характеристику, как мужику смышленому и прямому, но малограмотному.

Вне всяких сомнений, история злоключений приказчика Тараканова и его товарищей могла бы стать сюжетом не одного приключенческого романа и кинофильма! Мы приводим описание крушения судна «Святой Николай» и одиссею его команды в том виде, как оно было изложено автором.

«Компанейский бриг «Святой Николай», на коем я находился в звании суперкарга (ответственный за перевозимый груз – В.Ш.), состоял под начальством флотского штурмана (офицерского чина) Булыгина и был назначен с особыми поручениями от главного правителя колоний к берегам Нового Альбиона (район нынешнего Сан-Франциско – В.Ш.). 29 сентября 1808 года отправились мы в путь, а около 10 октября подошли к мысу Жуан-де-Фука, лежавшему в широте 48°22' (западное побережье современной Канады – В.Ш.). Тут безветрие продержало нас четверо суток; потом повеял легкий западный ветерок, с которым шли мы поблизости берегов к югу, и описывая оные, клали на карту и делали на них наши замечания. На ночь, обыкновенно, мы от берега несколько удалялись, а днем подходили к нему весьма близко, и в это время приезжало к нам много жителей на своих лодках, так что иногда число лодок у борта простиралось до нескольких десятков или даже до ста. Впрочем, они были не очень велики: редкие могли вместить человек десять, а в большей части находились по три по четыре человека. Со всем тем, однако, мы остерегались и никак не впускали на бриг в одно время не более трех человек. Эта предосторожность казалась нам тем нужнее, что жители были вооружены. Многие из них имели даже ружья, а у других были стрелы, сделанные из оленьего рога, железные копья без древков и костяные рогатины...

Жители привозили к нам на продажу морских бобров, оленьи кожи и рыбу. За большого палтуса я им платил по нитке в четверть аршина голубых корольков (бусы) по пяти и по шести вершков такого же бисера; но за бобров не только корольков или бисера не хотели они брать, но даже отвергали с презрением китайку (хлопчатобумажная ткань) и разные железные инструменты, а требовали сукна, какое видели на камзолах наших промышленных; но как мы его не имели, то и торговля наша не состоялась.

Тихие ветры и благоприятная погода продолжались несколько дней, наконец, не помню которого числа, около полуночи стал дуть ровный ветер, который к рассвету усилился до степени бури. Начальник брига приказал закрепить все паруса, кроме совсем зарифленного грота, под которым мы лежали в дрейфе. Буря с одинаковой силой свирепствовала трое суток. Потом перед рассветом вдруг утихла и наступила тишина. Зыбь была чрезвычайная, а туман покрыл нас совершенно. Вскоре по восхождении солнца, туман исчез и показался нам берег

не далее 3 миль от нас. Мы бросили лот: глубина 15 сажен. Тишина не позволяла удалиться от опасности под парусами, а зыбь мешала употребить буксир или весла. Она же прижимала нас ближе и ближе к берегу, к которому, наконец, подвинула нас так близко, что мы простыми глазами весьма явственно могли видеть птиц, сидевших на камнях. Мы в это время находились, по нашему счислению, против бухты, именуемой жителями Клоукот, южный мыс коей лежит в широте 49° и нескольких минут. Американские корабли в тихие ветры часто заходят в эту бухту, но в бурю или при большом волнении такое покушение было бы сопряжено с крайней опасностью. Гибель брига казалась нам неизбежной и мы ежеминутно ожидали смерти, доколе божьим милосердием не повеял северо-ападный ветер, пособивший нам удалиться от берегов. Но ветер сей, благоприятствовав нам шесть часов, превратился в ужасную бурю и заставил лечь в дрейф, убрав все паруса. После того, как буря укротилась, ветры дули с разных сторон и с разной силой, а мы, пользуясь оными, подавались к югу.

29 октября при умеренном западном ветре, приблизились мы к берегу, и зашли на остров Дистракшн, лежащий в 47°33', обойдя по южную его сторону. Но, к несчастью нашему, за островом не было удобного якорного места, и мы нашлись принужденными опять выйти в море. Едва мы успели удалиться от берега мили три, вдруг сделалось тихо, и во всю ночь не было никакого ветра, отчего зыбью налил нас к берегу; а 31-го в 2 часа пополудни протащило мимо вышеупомянутого острова...

Командир брига штурман Булыгин, не зная, что предпринять, прибегнул к общему совету, вследствие коего стали мы держать мимо камней к самому берегу с намерением зайти за оные и, пройдя их, очутились в середине подводных и скрытых под водою рифов; тогда командир приказал положить якорь, а вскоре и другой, но они не могли задержать судна, которое беспрестанно дрейфуя, приближалось к берегу. Когда брошены были два якоря, оно остановилось, однако не надолго, ибо вечером, когда стемнело, подорвало у нас два перетертых о камень каната, а около полуночи с третьим случилось то же, и вскоре потом поднялся свежий ветер от зюйд-оста, которым подорвало последний канат. Теперь нам не оставалось другого средства спасти бриг и себя, как отважиться на выход в море между камнями. Тем путем, которым мы вошли, ветер не позволял идти, и так мы пустились, как говорится, куда глаза глядят, и, к общему нашему удивлению, не взирая на чрезвычайную темноту, прошли столь узким проходом, что, наверное, ни один мореплаватель и днем не осмелился бы идти оным. Но лишь успели миновать опасность, как переломился у нас фока-рей. Положение наше не позволяло убрать паруса для починки рея, и мы принуждены были нести оный доколе было можно.

На рассвете ветер перешел прямо на берег. Фока-рея исправить мы не могли и запасного не имели, а без фока не было никакой возможности отлавировать от берега, к которому нас приближало весьма скоро, и, наконец, в 10-м часу утра 1 ноября бросило валом в буруны, а потом на берег в широте 47 градусов 56 минут.

Итак, участь брига решилась; надлежало помышлять о нашей собственной. Мало того, что мы сами могли спастись, нам должно было также спасти оружие, без которого не имели мы никаких средств сохранить свободу, а сделавшись пленными, должны были влачить в рабстве у диких жизнь, стократ ужаснейшую самой смерти.

Судно наше валило бурунами с боку на бок страшным образом и оно в полтрюма наполнилось уже водой, мы с оружием в руках выжидали время: когда находил большой вал, удар в судно и, рассыпавшись, опять сливался с берегов, тогда мы бросались с борта и выбегали на берег за пределы воды; там принимали от своих товарищей, оставшихся на бриге, ружья и амуницию. К великому нашему счастью, случилось, что мы стали на мель при отливе и на мягком грунте, ибо хотя все члены судна расшатались и оно наполнилось водой, но уцелело и по сбытии воды осталось на суше.

Мы тотчас сняли с него пушки, порох и разные другие, нужные нам вещи; потом перечистили огнестрельное оружие и приготовили заряды, чтоб быть в состоянии отразить напа-

дение диких, которых мы имели причину теперь страшиться более всего на свете. Наконец, поставили из парусов две палатки в расстоянии сажен семи одна от другой; меньшую из них Николай Исакович Булыгин и я назначили для себя. Сделав все это, развели большой огонь, обогрелись и обсушились.

Едва успели мы кончить эти первые наши занятия, как появилось множество здешних жителей, которые, усмотрев нас, тотчас к нам приблизились. Между тем штурман, взяв с собой четырех промышленников, отправился на бриг с намерением спустить стеньги и реи и снять с него верхнюю оснастку, чтоб при большой волне менее его валяло. В предосторожность они взяли с собой горящий фитиль, ибо на судне оставалось еще несколько пушек. Сам командир, стоя подле брига, распоряжался работами, а мне приказал наблюдать за деяниями и поступками диких. Около нашей ставки (табора) в приличных местах поставили мы караул и часовых.

В нашей палатке сидела супруга Булыгина, Анна Петровна, один кадьякский алеут, женщина того же народа и двое из здешних жителей, вошедших к нам без приглашения. Один из них, молодой человек, называвший себя тоёном (т. е. старшиною), приглашал меня посмотреть на его жилище; отстоявшее недалеко от нас. Я согласился было с ним идти, но товарищи мои, подозревая со стороны диких вероломство, меня удержали. Я старался всеми способами внушить сему старшине миролюбие и уговаривал его нас не обижать и не выводить из терпения. Он обещался поступать с нами по дружески и вселить то же расположение к нам у своих единоплеменников. Между тем два раза уже приходили мне сказывать, что колюжи (колоши – жители Аляски и Северной Канады – В.Ш.) растаскивают наши вещи. Я уговаривал своих людей сколько возможно стараться не начинать ссоры: «Снесите, братцы, – говорил я им, – поелику можно, а старайтесь как-нибудь отжить их от табора без ссоры!» В то же время представлял я тоёну о неблагонамеренных поступках его подчиненных и просил его приказать им оставить нас в покое; но как мы не очень хорошо понимали друг друга, то разговоры наши были весьма продолжительными, и пока я с ним рассуждал и вел переговоры, а там уже дело дошло и до расправы.

Наши стали гнать диких прочь от табора, а они начали в них бросать камнями. Анна Петровна первая увидела это и сказала мне: «В наших бросают камнями!» В то же время промышленные открыли огонь по колюжам. Я бросился из палатки, но меня встретили копьем и ранили в грудь. Воротясь, схватил я ружье и выбежал, увидел ранившего меня дикого. Он стоял за палаткой и держал в левой руке копье, а в правой камень, который так сильно бросил мне в голову, что я не мог на ногах устоять и присел на колоду; но, выстрелив, поверг врага моего мертвого на землю. Вскоре после этого дикие ударились в бегство; при сем случае успели они и командира нашего ранить копьем в спину, а камнем в ухо. Впрочем, кроме четверых, бывших на судне, все до одного человека потерпели от камней более или менее. Из неприятелей же убито было трое, коих одного они утащили, а сколько раненых – не знаю. В добычу нам досталось много оставленных на месте сражения копий, плащей, шляп, и прочего.

На ночь одна смена заняла кругом табора караул, а прочие, собравшись в палатку, оплакивали горькую свою участь. Поутру ходили мы осматривать окружность и выбирали место, где можно было бы нам расположиться зимовать и обезопасить себя укреплениями. Но нашли, что берег здесь имел самое неблагоприятное намерение нашему положению и свойство: он был покрыт дремучим лесом и столь низок, что большими водами его заливало. Начальник, собрав всех нас, открыл нам свое намерение следующей речью: «Господа! По предписаниям, данным мне от главного правителя колоний, я знаю, что в непродолжительном времени должен прийти к здешним берегам компанейский корабль “Кадьяк” и именно в гавань, отстоящую не далее шестидесяти пяти миль от места, где мы теперь находимся. Между сими двумя местами на карте не означено ни бухт, ни заливов и ни одной реки, а потому мы весьма скоро можем достигнуть помянутой гавани. Вы сами видите, что здесь, не подвергая себя очевидной и почти верной гибели, нам оставаться нет никакой возможности: дикие весьма легко могут

истребить всех нас. Если же мы немедленно тронемся с места, то они останутся здесь грабить судно и делить поживу и, верно, за нами не погонятся, потому что не будут иметь в том никакой нужды!» На это мы единогласно отвечали: “В воле вашей, мы из повиновения не выходим!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.